

Соль земли

Валентин Сергеевич Шаламанов

Дарья Ивановна Шаламанова, моя Мама, родилась в 1918 г. в селе Решеты Кочковского района, что сейчас в Новосибирской области. Родилась в крестьянской семье, вели свое хозяйство, с чего и питались. Маме было 13 лет, когда в Сибири начали организовываться колхозы. Дедушке моему Ивану Егоровичу Шаламанову предложили вступить в колхоз, но он отказался, мотивируя тем, что в колхоз вступают добровольно, т.е. по желанию, а он не желает.

Работников наемных дедушка не имел и не опасался репрессий. Но власть не всегда следовала своим декларациям. В итоге семью, а конкретно Ивана Егоровича «раскулачили» и сослали со всей семьёй в Александровский район, в глухую тайгу. Сейчас это место называется Раздольное. Дедушка успел построить жильё, но через полгода умер. Еще через полгода умерла бабушка Анастасия Егоровна. Остались Софья Ивановна - старшая сестра, 13-летняя Мама и Александр Иванович – младший брат. Т. Соня вышла замуж, Маму взяли в прислугу, а дядю Сашу в детдом.

Все. Сегодня никаких других дел.

Сажусь в 108 автобус, еду до «вертолетки» и шагаю по «пляшущим» плитам на кладбище. (Кстати, я, да и другие, кто ходил или ездил по этой дороге, возмущаются отношением местных властей к памяти ушедших в мир иной. Думаю, что эта тема заслуживает отдельного разговора).

... Через несколько минут я стою у знакомой оградки, где меня всегда встречает Мамин взгляд.

Взгляд этот излучает, струит печаль огромную, безмерную, проникающую в мою душу, но слёз почему-то нет.

- Здравствуй, Мама, вот я и пришёл. – Сажусь на скамеечку, начинаю вспоминать.

В самых ранних воспоминаниях, никогда не вижу Маму отдыхающей. Мама всегда чем-то занята (чем-то – это работа). Вот Мама с т. Соней принесли на плечах кряж – часть сухостойного дерева, которое спилили в лесу и на который потом, на другой день, дурак-лесник поставит специальным молотком два клейма с торцов кряжа, запрещающих его пилить, т.к. сушина спилена без лесобилета.

Вот Мама с т. Соней же пилят в редкий выходной газочурочку, зарабатывая дополнительные копейки. Маме приходилось работать на лесоповале – в одиночку валила деревья лучковой пилой. Рыбачила и летом и зимой в рыболовецких бригадах. И всегда помню голод. Мама постоянно что-то делала, чем-то занималась кроме основной работы, чтобы прокормить нас троих и при этом оставалась всегда очень доброй и незлобивой. Обработывала рыбу вместе с другими женщинами (солила, потрошила, морозила, затаривала в бочки и отгружала их).

Затем Маму направили на курсы мастеров по рыбообработке и в 1953 г. в апреле Маму перевели из д. Медведево в Стрежевой мастером по рыбообработке. Звучит солидно, а на самом деле, чтобы не возить рыбу сдавать в Колтогорск, в Стрежевом организовали пункт приема, засолки и заморозки рыбы, которую добывали стрежевские рыбаки. Мама была в единственном лице и мастером, и обработчиком рыбы. Через её руки проходили тонны рыбы. Приходить домой с работы утром было для Мамы почти нормой. Правда, когда было очень много шуки, то колхоз выделял ей в помощь людей, т.к. шуку надо было потрошить. И за всё время работы у Мамы не было ни одного случая, чтобы испортилась рыба.

Хочу сказать несколько слов о Мамином начальстве. Начальство было в Колтогорске: может быть, по причине своей большой загруженности, а может, и по бездушию, а скорее всего было и то, и другое, но начальство «палец о палец не ударяло», чтобы улучшить условия работы Мамы. Пример: вместе с рыбпунктом-сараем был ледник – огромная, глубокая яма, перекрытая настилом и заваленная по настилу землей. В перекрытии оставался люк, через который весной колтогорские рабочие загружали яму-ледник глыбами льда. Лёд они заготавливали – кололи пешнями на Пасоле и возили на санях лошадьми. Затем люк закрывали, и льда для заморозки рыбы хватало на всё лето. Но летом лёд таял, появлялась вода, которую надо было выносить. Выносили её вёдрами, вверх по скользким ступеням и Мама, и брат мой Володя, и я. То была тяжелая работа. Вёдра надо было считать. Я насчитывал «своих» 500 вёдер. В Стрежевом уже было электричество. Да что там электричество, проблему решила бы простая ручная помпа. Но начальству было не до таких мелочей.

Ещё Мама регулярно передавала сводку в Колтогорск. Врать не буду, но не реже раза в декаду. А скорее всего, раз в неделю. Это было так: Мама собиралась и шла в Колтогорск, через Пасол кто-нибудь перевозил, а придя на Обь, Мама кричала, чтоб перевезли. Передавала сводку и в обратном порядке – домой.

... Кажется, какой голод может быть в таком краю, где речки, озёра кишат рыбой, в лесу и на лугах полно дичи? Но рыбакам даже на еду (сварить) давалась

скудная норма сорной рыбы – щука, чебак, карась, окунь, на ценную породу разрешения не было.

Муж т. Сони был бригадиром рыбаков и разрешил взять домой больше нормы. Кто-то из бригады донёс, мужа т. Сони – Смушкова Семёна (отчество не помню) – забрали, увезли, и человек пропал навсегда.

Ружей спецпереселенцам иметь не разрешали, да и не было времени у взрослых на охоту. Работа, работа и ещё раз – работа. Мы, дети, тоже старались добыть еду. Вечером рыбаки с уловом приезжали сдавать рыбу. Они обязаны её рассортировать по носилкам, крупную, мелкую, по видам, а нестандарт выкинуть в реку.

Мы, стайка пацанов 3-4 человека, лет 5-7, бегаем по берегу и канючим: – Дядя, кинь, дядя кинь!

Изредка рыбаки выкидывают нестандарт на берег, мы, как мартины, кто быстрее, хватаем рыбёшку, закапываем в песок, ставим метку – веточку и опять канючить. На небе уже луна, рыбу рыбаки сдали, а мы ходим и собираем свою добычу, 3-4 рыбки несём домой.

Весной бродим по огородам, ищем прошлогоднюю картошку, которую Мама перетрёт на тёрке, добавит в эту чёрную массу немного муки и испечёт оладьи. Ели и рыбьи кости, которые поджаривали на печной плите.

Но, как бы то ни было, жизнь помаленьку улучшалась.

Уже в Стржевом, после 1953 года жить стало полегче, и на лицах Мама и других людей стали чаще появляться улыбки.

Сколько Мама хлебнула горя – ни на одних весах не взвесить.

Поймите меня правильно – тяжело было всем, я это знаю, вижу и помню, но я говорю о своей Мама, о Мама разговор. Если бы меня попросили назвать главные черты характера Мама, я бы сказал – доброта и трудолюбие, их можно поменять местами, думаю это подтвердит любой, знающий мою Мама.

Несмотря на все трудности, Мама была жизнерадостным и, подчеркну, весёлым человеком. Откуда, не пойму, Мама знала много песен, частушек и хорошо пела.

Когда жизнь наладилась в конце 50-х - начале 60-х годов, взрослые на праздники собирались в компании, выпивали (домашнюю брагу), пели песни, шутили, отдыхали. Драк, бесчинств в нашей деревне не было, как и воровства. Если кто-то строился, то собиралась помощь. Приходили люди, день работали, а вечером ужинали – угощал хозяин стройки.

Когда Мама уходила на пенсию, в трудовой книжке Мама была всего одна запись. После выхода на пенсию Мама продолжала работать и была награждена несколькими медалями.

Я думаю, что все тяжести и горе, перенесённые Мамой, воплотились в Маминых глазах, в Мамином взгляде. Сейчас я понимаю – несмотря на то, что Мама не достигла большой известности, таких, как она, называют солью земли.

... Еще некоторое время я сижу на скамейке, выпиваю третью рюмку, прошу у Мамы прощения, желаю Маме Царства Небесного и ухожу.

Шагаю на остановку по этим же прыгающим, лежащим косо, криво плитам, и мне приходит в голову, что эта дорога очень похожа на исторический путь России.

А вот и мой автобус. Сажусь и еду по хорошей дороге домой. А в голове мысли: - Я же шёл с Россией по одной дороге, в одном направлении, значит и Россия выйдет на хорошую дорогу и покатит по ней с хорошей скоростью. Только вот куда?

Очень хочется, до боли, чтобы в счастливую сторону, где царит справедливость, где закон один для всех, где нет нищеты, где на лицах у людей чаще, чем гримасы боли, цветут улыбки, где дети плачут очень редко, а старики чувствуют себя полноценными гражданами.

Нет, это не рай, это нормальная жизнь, которую давно заслужили простые граждане России.

Дай Бог!

2020 г.

*На крутом берегу, где стрижи утверждали
Свое право на жизнь, в синем небе резвясь,
В тридцать страшном году люди здесь основали
Деревеньку, вначале в землянках ютятся.*

*Подвиг их многотрудный еще ждет описанья, -
Голод, холод, издевки властей,
До конца выпив полную чашу страданий,
Пережили дерьмо всех мастей.*

*И стоит здесь поселок, с деревенькой несхожий,
Словно памятник нашим дедам,
Но моя деревенька мне все же дороже,
Я ее никогда не предам.*

*Разве можно предать память предков святую?
Труд великий, могилы отцов?
Разве можно предать кровь нам всем дорогую?
Наших бабушек, мам и дедов?*

*Разве можно предать босоное детство?
Нежный трепет влюбленной души?
Честность, бывшую первым средством,*

Доказать, что ты стоишь в глуши.

*Как в родительский дом, где бы я не скитался,
Свою боль принесу и беду,
Без тебя сиротою навек бы остался,
С покаяньем к тебе я бреду.*

*Словно в церкви, к тебе прикоснусь я душою,
Уткнусь, как к матери в подол,
Как на духу тебе открою,
Чем жил, грешил, по жизни шел.*

*Ты глазами окон не меня молча глянешь,
Приласкаешь меня, словно мать,
Не единым упреком душу не ранишь...
Твои руки готов целовать.*

*Снова в небо гляжу и мне кажется, где-то
В синей выси, на облаках,
За деревней следят наши деды,
Как ребенка несут на руках.*

*Ты стоишь, овеваема всеми ветрами,
Облака над тобою плывут,
И природа еще балует дарами,
Но вот песни иные поют.*

*Пред деревней моей преклоняю колени,
Как любимой, признанья ей нежно шепчу,
До конца своих дней я твой пленник
И на ты быть с тобою хочу.*

*На земле мы своей только гости,
Всех когда-то нас Бог призовет –
Упокоимся, здесь, на погосте,
А деревня пусть вечно живет!*

*Иду сквозь строй рябиновый – рябины улыбаются,
Цветов великолепием мне душу бередят,
А сердце огрубелое вдруг заболит, замается
И мысли неподвластные меня ведут назад.*

*Туда, в деревню дальнюю, заброшенную, скромную,
Туда, глаза где Машины всегда струят печаль,
Струят печаль безмерную, тяжёлую, огромную,
Туда, где начинается начало всех начал.*

*Через туманы времени сестрёнку вижу малую,
Из ситца в лёгком платьице, шелков я не видал,*

*Конфетами и пряниками редко кто нас баловал,
И детских ласок искренних из нас мало кто знал.*

*Росли травкою сорною, листочком подорожника,
Любой прохожий смог бы нас сорвать иль растоптать,
Но мы тянулись к солнышку, оберегал нас Боженька,
И вечными заботами нас пестовала Мать.*

*Тайга снабжала ягодой, грибами и орехами,
Природа нам не мачехой, а матерью была,
Мы жили первобытными, как ласточка под стрехою,
Со счастьем незнакомые, а вот мечта была.*

*А вот и речка тихая, Алёнкой называется,
Весною многоводная, течёт с болот, с нуля,
Своею лентой малою в Обь-Матушку вливается,
Кормила всех рыбёшкою, на ранги не деля.*

*Я вижу лица хмурые, заботой обрамленные,
На всём, куда не кинешь взгляд, лежит печать труда,
Труда порою рабского, - Живём, как прокажённые, -
Такое выражение я слышал в те года.*

*Пройду я тропкой-берегом, что по-над Обью тянется,
Взгляну на Обь могучую – заворохнёт в груди,
Потом схожу на кладбище, чтоб помолчать, помяться,
А в сердце жалость, гнев и боль занозою сидит.*

*Россия, моя Родина, страна всем изобильная,
Когда же ты научишься ценить простых людей?
Ведь ты не олигархами, простым народом сильная
Громил сермяжный твой народ врагов любых мастей.*

*Иду сквозь строй рябиновый, рябины улыбаются,
Цветов великолепием мне душу бередают,
А сердце огрубелое уж не болит, не мается,
Рябинки о заветном мне листвою шелестят.*